

Алиса Аве

ХРОНИКИ
ПЕРЕПУТЬЯ

МИСО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая
НОВЫЙ ДРУГ 7

Глава вторая
АВТОБУС В НИКУДА 21

Глава третья
ПЕРЕПУТЬЕ 38

Глава четвёртая
ДЛИННОУХИЙ 57

Глава пятая
СОННЫЕ ХОЛМЫ 70

Глава шестая
В ТЁМНЫЙ ЛЕС 80

Глава седьмая
РУСАЛКА В КОЛОДЦЕ 94

Глава восьмая
СУП ИЗ ШИШЕК 108

Глава девятая
А ВОТ КОМУ ЛИЦО? 123

Глава десятая	
ЦИРКОВЫЕ МАРИОНЕТКИ	143
Глава одиннадцатая	
НЕНУЖНЫЕ ДУШИ	163
Глава двенадцатая	
ТРОПОЙ ЗАБЫТЫХ	181
Глава тринадцатая	
ВЕДЬМИНА ПУТАНКА	203
Глава четырнадцатая	
ЛАБИРИНТ	215
Глава пятнадцатая	
ВОДЫ ИСТОКА	231
Глава шестнадцатая	
БРАТЕЦ КОСТИК	245
Глава семнадцатая	
ВОЗВРАЩЕНИЕ	266
БЛАГОДАРНОСТИ	277

Глава первая НОВЫЙ ДРУГ

Весь первый класс Маша выпрашивала у мамы питомца.

— Щенка, ма! Далматинчика? — Она сближала ладошки, чтобы показать, какого размера он должен быть. И мысленно считала, сколько у него пятен.

— Ты станешь с ним гулять? — Мама уже была наготове. — В любую погоду? Два раза в день? Убирать за ним будешь?

О домашнем животном они спорили день за днём, и у мамы появился набор одинаковых ответов. По понедельникам Маша выбирала новую породу.

На прошлой неделе просила пуделя, на позапрошлой — французского бульдога, на этой вот пришло на ум пятнистое чудо.

— Буду! — заверяла Маша.

— Ну да, до первой кучки, — вздыхала мама. Она не сердилась, точнее старалась не сердиться изо всех сил, но с каждой неделей её брови взлетали всё выше. А сегодня мама даже хмурилась. — Я ведь тоже просила у родителей щенка.

— И тебе купили? — спрашивала Маша, хотя давно знала ответ.

— Купили, — кивала мама, — щенок прожил у нас три дня. Он скулил по ночам, естественно, за ним убирала мама, а я только фукала, — на этих словах мама всегда улыбалась. — И мы отправили его к бабушке, в деревню. Там он прекрасно себя чувствовал: бегал во дворе, сторожил дом и довольно долго прожил. Мой Рикки. Понимаешь, — объясняла мама, — мы с папой будем уходить на работу, ты в школу, на занятия. Бедная собака останется одна, ей будет скучно и грустно. Ты бы хотела весь день просидеть в одиночестве?

Мама всегда сводила беседы о домашнем питомце к призыву его пожалеть, но сегодня Машу это не остановило:

— Ну тогда котёнка?

Котят Маша любила не меньше, чем щенков. Особенно рыженьких.

— Котята могут гулять сами по себе, — со знанием дела говорила она. — Окошко будем оставлять открытым.

— У папы аллергия на кошачью шерсть.

Маша иногда думала, что мама не против кошки и, если бы не папина аллергия, она точно купила бы котёночка.

— А попугайчиков? Я смотрела по «Карусели», бывают попугаи-неразлучники, я бы их назвала Павликом и... и Машей. Они в клетке сидеть будут.

— Правильно, в клетке. Я клетку мыть не собираюсь. Ещё раз спрашиваю: ты за ними убирать будешь? Мне вас с папой вполне хватает. И птица должна жить на воле. Ни одна птица не любит клетки, запомни, Маруся.

— Ну хотя бы кролика...

На самом деле разговоры о питомцах Маша затевала именно из-за кролика. Начинала с животных побольше, зная точно, что у мамы найдётся сотня отговорок, но сводила всё к меховому комочку с ушками. Маша представляла, как будет кормить его морковкой и рассказывать сказки, которые выдумывала сама. Любовь к кроликам родилась у Маши примерно в четыре года, когда она переступила порог контактного зоопарка в торговом центре. Вообще, Маша жалела животных в клетках и вольерах зоопарков, соглашаясь с мамой, что всем живым существам хочется свободы. Она воображала,

как освобождает их и животные убегают в лес, на волю. Но кролики... «В лесу же волки водятся, кроликам там опасно, я возьму их себе, и они будут жить-поживать и добра наживать», — сказала Маша маме с папой. Папа ответил что-то про запас на голодные годы, мама посмеялась над ними обоими. Кролики остались в зоопарке и в Машиных мечтах.

— А может, братика или сестричку? — спросила мама.

Маша задумалась. У многих одноклассников были братья или сёстры, у некоторых — и те и другие. Старшие и младшие. Маша не отказалась бы от старшего брата, даже на старшую сестру согласилась бы. Но насчёт младших сомневалась.

— Не, кролик лучше! — рассудила она.

— Ох, Маруся...

«Ох, Марусей» всё и заканчивалось. Сильнейший мамин аргумент, после которого она замолкала и делала вид, что не слышит дочкины «ну, мам!».

Зато папа предлагал Маше завести свинью. Минипига. И показывал ей фотки из интернета — розовые, чёрные, серые свинки, маленькие и забавные.

— За свиньёй я точно убирать не буду, — смеялась Маша, представляя поросёнка в их светлой, чистой квартире.

— А что? — удивлялся папа. — Свиньи знаешь какие чистоплотные. А эти тем более, раз они мини, значит, у них всё мини.

Но ни мамины уговоры, ни папины шутки не вытесняли из Машиной головы мысли об ушастом друге.

Мама и папа сделали дочке другой подарок. Маша поздно поняла, что мама неспроста задавала вопросы, не хочет ли Маша братика или сестричку. Мама ходила тяжело, жаловалась на боль в спине, часто гладила ставший большим живот. Маша погружилась в учёбу, музыку, рисование и чтение книг и не замечала изменений.

— Ты у меня самая красивая, мамочка. Ты меня прости, но я всё равно скажу, — подошла она однажды к маме. — Ты мне говоришь, что от сладкого толстеют, а сама вон как булочки трескаешь.

Мама, которая действительно по вечерам жестом фокусника доставала из духовки то пироги, то булочки и поела их с аппетитом, нисколько не обиделась.

— Сейчас мне можно есть за двоих, — загадочно ответила она.

Маша догадалась, что это значит, когда мама взяла её руку и положила ладонью на свой живот. В ладонь кто-то толкнул.

— Наша Маруся станет старшей сестрой!

«А говорила, что тебе нас с папой хватает!» — Маша с трудом удержала обиду, мама выглядела такой счастливой.

И вот на окончание первого класса за пятёрки в четвёртой четверти и в году мама с папой подарили

Маше братика. Маша разглядывала младенца, розового, крикливого, завёрнутого в молочного цвета пелёнки и перевязанного широкой праздничной лентой. «И это они называют подарком?» — разочарованно думала Маша.

Как только брат оказался дома, он стал постоянно отнимать у неё внимание родителей. Мама гуляла с младенцем минимум два раза в день по два часа. Братик отчего-то засыпал только на улице. Дома он ел, плакал и пачкал подгузники. Мама с удовольствием возилась с ним. Папа во всём ей помогал, правда, с меньшим удовольствием. Игрушками малыш особо не интересовался, лишь скучно позвякивающими погремушками и модулем с машинками, которые висели над его кроваткой. Мультфильмы ему тоже не нравились. Мама читала ему книжки и звала почитать Машу. Но Маша тихо страдала, отыскивая тех самых папиных минипиггов в интернете. Братик как раз походил на поросёнка, а она просила всего-навсего кролика. В своей комнате Маша повернула все игрушки к стенам. Они обижались на родителей, под стать хозяйке.

Брата назвали Константином — Костей, Костюшкой, Пиратской Косточкой — прозвище придумал папа. Маша звала его братом. Или «этим». «Этот опять проснулся. Этот так кричит, у меня голова от него разболелась. Мама, а ты этого теперь больше меня любишь?»

— Наша любовь к тебе не изменилась, Маруся, — убеждала мама, — любовь устроена иначе. Она растёт, когда её разделяешь с другим. А материнская любовь — самая большая. Сколько бы у мамы ни было детей, она любит каждого.

— Ты со мной почти не играешь, — жаловалась Маша.

— Просто Костя ещё очень маленький, требует много времени. Он подрастёт, и станет легче. Ты сможешь с ним играть, гулять, учить его. Ты так много знаешь! Он будет гордиться старшей сестрой!

Мама обещала, Маша ждала. Костя рос медленно и походил на гусеницу в своих ползунках и комбинезончиках. Про кролика Маша не забыла, но просить перестала — слишком многого требовал «этот», да и бедный кролик мог испугаться младенческих криков и киданий погремушек с высоты детской кровати.

В начале нового учебного года мама нарядила Костю в белый пушистый комбинезон с капюшоном, и старшая сестра, второклассница Маша, пошла в школу под рёв младенца, обрывая лепестки роз в букете для учительницы. Розы, конечно, не ромашки, но вдруг и с ними получится: будет — не будет, гадала Маша и воображала, как у братика выросли длинные милые ушки и маленький хвостик. Как он весь уменьшился и превратился в кролика

с дрожащим носиком. И Маша взяла бы его на руки, уложила на коленки и гладила бы по мягкой спинке.

— Вот бы он в самом деле превратился в кролика! — шепнула Маша вслух.

— Что ты сказала, Маруся? — спросила мама, наклоняясь к ней. Костя наклонился вместе с мамой, и они посмотрели на Машу двумя парами карих глаз. У Маши глаза были папины, зелёные, она закрыла их и отвернулась.

— Ты, наверное, боишься в школу идти? Нервничаешь после каникул? — предположила мама.

Маша фыркнула. «Вот ещё? Я что, маленькая?»

Из школы домой Маша решила добираться сама. Маму пришлось долго уговаривать, она переживала за дочку.

— Точно сама?

— Да. Ну, мам, договорились ведь!

Маше не терпелось доказать, что она взрослая и самостоятельная.

Уроки заканчивались в час дня, автобусы ходили полупустые. Мама с «этим» ждали Машу на остановке, чтобы вместе прогуляться. Маша несла две пятёрки, по русскому и окружающему миру, и твёрдое намерение уговорить маму завести домашнее животное. Тогда всё будет справедливо: у мамы — малыш, у Маши — питомец.

Маша увидела их на остановке. Трёх кроликов в клетке. Они смотрели на неё, два белоснежных и красноглазых и один дымчато-серый, голубоглазый, с висящими длинными ушками.

Клетка стояла на скамейке возле крупной женщины. Рыжая, одетая в бурое платье, коричневую жилетку с меховой оторочкой женщина занимала полскамейки, и никто не решался сесть рядом с ней. Левый локоть она положила на клетку, кролики жались в углу подальше от могучей руки с четырьмя крупными кольцами и четырьмя браслетами. Кольца перетягивали толстые, похожие на сардельки пальцы. Маша любила сардельки, но мама нечасто покупала их, говорила, что сардельки вредные. Почему-то, глядя на пальцы женщины, Маша согласилась с мамой. На кольцах и на браслетах красовались яркие оранжевые камни, четыре ряда бус из тех же камней украшали грудь. Маше показалось, что у женщины сразу два живота и вообще что вся она сплошной живот, ведь поверх груди громоздился подбородок. Живот покрывал большой белый фартук с оборками. Маленький нос жался между желтоватыми щеками.

Маша встала слева от женщины, поближе к клетке. Сперва она косилась на крольчат. Они смотрели на Машу из своего угла, один привстал на задние лапки. Женщина чуть подвинула клетку. Маша

отвела взгляд, потопталась и снова уставилась на вислоухого серого зверька, перебирающего лапками по сетке.

— Садись, чего же ты, я и место тебе освободила, — произнесла женщина нежно.

— Я постою, спа... — начала Маша, но женщина взмахнула рукой, и аромат яблочного пирога с корицей защекотал ноздри. Маша не поняла, как присела возле клетки и почти коснулась носом лапки серенького кролика.

— Этот пока ничей. — Женщина тоже склонилась над клеткой.

— Ничей, — повторила Маша и краем глаза увидела, как с остановки отходит нужный ей автобус.

— Двоих ждут хозяева. Мальчик Петя и девочка Катя. А тебя как зовут?

— Мария Звонова, — отчеканила Маша. — Можно Машка.

— Машенька, — поправила её женщина. — Или Маруся. Разве можно такую милую девочку Машкой величать?

— Меня Марусей мама зовёт.

— Тогда для меня Машенькой будешь. А его, — она постучала пальцем над вислоухим кроликом, — зовут Костик, будь знакома.

— Как моего брата! — обрадовалась Маша, впервые про себя назвав брата по имени.

— Надо же, совпадение какое! — всплеснула руками женщина. Кольца заблестели на солнце. — У тебя есть братик! Наверняка и зверушка какая есть, да, Машенька? Хоть бы и рыбка золотая?

— Если бы у меня была золотая рыбка, я загадала бы ей кролика. Я так хочу кролика, просила маму, просила, а она не разрешает, — выпалила Маша.

Пожаловаться чужому человеку оказалось легко. Она совсем забыла о родительских ежедневных наставлениях: не разговаривай с незнакомыми людьми. Всё затмили кролики. «Какая эта женщина счастливая! — только и думала Маша. — Сколько у неё крольчат! И она дарит это счастье детям! Повезло же каким-то Пете и Кате».

— Но зато у тебя братик есть... — подбодрила её женщина.

— Ага, — разочарованно протянула Маша.

Женщина открыла клетку. Серый кролик прыгнул на подставленную ладонь.

— Что ж, Костик, знакомься с новой хозяйкой! — пропела женщина.

Она сжала кролика толстыми пальцами. Кролик запищал. Женщина подкинула зверька в воздух, Маша испугалась, что крольчонок упадёт, и поймала его, дрожащего и барахтающегося, почти у своих коленей. Кролик потёрся мордочкой о ляжку рюкзака.

— Зачем вы так? — спросила Маша, разглядывая кролика, не повредил ли лапки. — Ему больно ведь.

— Чтобы связь оборвать, — загадочно ответила женщина. — А ты прижимай крепче, пусть к тебе привыкает.

Маша гладила кролика, и радость, которая родилась в ней, когда женщина произнесла «новая хозяйка», проступила в уголках губ робкой, неуверенной улыбкой.

— Вы правда-правда мне его дарите?

— Правда-правда. — Женщина перегнулась через клетку, упёршись в угол животом. Оставшихся кроликов накрыла тень. — Но не дарю, а меняю.

— Но у меня только сто рублей и скрепыши из супермаркета. — Маша вывернула руку, нащупывая наружный карман на рюкзаке, — один я, правда, Смородину обещала. Васе Смородину, — поспешила объяснить она, — мы в одном классе учимся.

— Что ты! Денег я не возьму! — Грудь женщины заходила ходуном от смеха. — И скрепыши мне не нужны. Виданное ли дело, на сокровища детские зариться! Мне, Машенька, — она перешла на шёпот, аромат яблочного пирога сильнее ударил Маше в нос, девочку потянуло в сон. Голоса людей на остановке отдалились, автобусный гул затих, — мне желание твоё нужно.

— Какое желание? — удивилась Маша.

Желаний у неё было много. Неужели женщине в фартуке понадобится 3D-ручка или велосипед с корзинкой?